

Е.М. Козлова

К вопросу о формировании региональной народнической историографии

В настоящее время в российской историографии происходит переход к новым исследовательским ориентирам параллельно с интенсивным переосмыслением самих критериев научности. Усиливается роль историографической критики, которая выступает как важное средство коррекции и расширения наличного инструментария подходов, концепций и моделей исторического исследования, т.е. средство обновления базовых предпосылок для последующего развития исторической науки в XXI в. После восстановления в отечественной науке в 1980–1990-х гг. альтернативных методологий ученые стали более серьезно размышлять на тему многовариантности путей исторического развития России и соответствующей трансформации ряда исторических дисциплин. Поэтому обращение в данный период времени к разнообразному опыту всех направлений национальной историографии является правомерным и актуальным.

Дореволюционную отечественную историографию отличало реальное многообразие научных школ и соответствующих общественных приоритетов. Историки по-разному оценивали достижения русской и европейской науки. В острых дискуссиях вырабатывались новые подходы и решения. Отечественная историческая мысль второй половины XIX – начала XX в. развивалась в рамках единого исследовательского потока, но в контексте разных научных направлений, каждое из которых стремилось к всеобъемлющему охвату многогранного процесса. Научные исследования России развивались согласно внутренней универсальной логике движения отечественной науки, чутко реагируя на изменения общественно-политической ситуации, на мировоззренческие запросы общества.

Генезис народничества в свое время был обусловлен конкретными социальными, экономическими и политико-идеологическими процессами. Во второй половине XIX в. Россия находилась в преддверии буржуазной стадии, заметно отставая от европейских стран. Однако благодаря наличию высокообразованной интеллигенции, ее знанию русских и зарубежных концепций и постоянным контактам с Европой передовые образованные слои российского общества не только «поспевали» за европейской теоретической мыслью, но в некоторых случаях и опережали ее. Такое опережение национальной научной элиты и ее общественного сознания по отношению к собственному «общественному бытию» имело место быть, вопреки

мифу об извечной отсталости русского общества. Испытывая на себе цивилизационно-системное влияние европейской общественной мысли, модернистски настроенные российские интеллигенты вместе с тем относились к ней избирательно, воспринимая и осваивая зарубежные методологические достижения сквозь призму специфики национальных проблем. Одним из самых развитых и перспективных сегментов научного прорыва отечественных исследователей во второй половине XIX – начале XX в. было изучение многообразной жизни народа во всех ее проявлениях, что составляло основной предмет исследования демократической историографии. Целенаправленное сближение истории и социологии было одним из характерных для исследователей данной ориентации методологических приемов. Фактически лишь в 50–60-е гг. XX в. мировая историческая наука вновь обратилась к этой парадигме («новая социальная история» [1–2]) после долгого взаимного отчуждения обеих дисциплин.

Главный метод народнической историографии – изучение общественно значимых проблем как бы «снизу» – был наиболее последовательно апробирован ею на региональном уровне, в рамках отдельной территории, а именно Алтайского (горного) округа. П.А. Голубевым, Н.М. Зобниным, И.О. Овсянкиным, В.И. Семевским, И.И. Тыжновым, С.П. Швецовым и другими авторами даны описание и анализ реально существовавших социальных институтов местного уровня, воссозданы коллективные портреты локальных общностей. Научная и общественная актуализация проблем Алтая так называемого кабинетского периода в общероссийском контексте состоялась благодаря народнической историографии. В данном случае проявилась устойчивая вариативная способность народнических методологических принципов своевременно или даже заблаговременно адаптироваться к изменениям динамично развивавшейся отечественной историографии. Ныне аналогичная методология освещения проблем регионального и общенационального характера утверждается в России фактически заново.

Формирование региональной народнической концепции происходило на фоне кризиса системы государственного и частновладельческого крепостничества (рубеж 1850–1860-х гг.). Компоненты народнического подхода к проблематике заключались в акцентировании факта наличия крепостничества

в Сибири, а тем более в Алтайском (горном) округе. Большое внимание народники уделяли актуализации и популяризации тщательно скрывааемых верховной властью фактов о феноменально высоком уровне натурально-рентной эксплуатации («заводская барщина») русских мастеровых и приписных крестьян Алтая императорским (кабинетским) ведомством как в пользу собственника, так и для корыстной выгоды чиновников, местной бюрократической верхушки – «корпуса горных инженеров». Обязательным атрибутом народнической концепции являлась острая критика злоупотреблений властью, коррупции, казнокрадства, некомпетентности горнозаводской бюрократии. Это время характеризуется особой ролью печатного журнального слова. Понятно, что главная цель народнической публицистики – это полная дескридация режима, базовой для него системы крепостничества (государственного и частного). В противовес, как альтернативу крепостнической системе уже первые народники (Бакунин, Герцен, Чернышевский) выдвигали свой идеал – так называемого крестьянского социализма, осуществить который мог бы только свободный (независимый от государства, бюрократии, помещиков) русский народ, большинство в котором составляли тогда крестьяне. Отсюда – вопрос о земле, вернее, о собственности крестьянства на всю землю.

Публикации данных фактов в «Колоколе» как единственном независимом органе русской печати адресованы «образованному обществу». Именно через популярную в то время прессу М.А. Бакунин и многие другие представители демократического направления рассчитывали повлиять на позицию правящего императора и на всю многочисленную бюрократию, обратить их внимание на бедственное положение основной массы российского народа. Конечно, в «Колоколе» были представлены лишь общие моменты истории развития горного дела на Алтае и характеристики основных социальных групп, критиковалась сама система крепостничества и акцентировалась ее несостоятельность, поэтому работы авторов были не лишены публицистического перехлеста и некоторой односторонности в изложении фактического материала. Первые публикации лишь обозначили будущий круг проблем для исследования. Не имея доступа к архивным материалам, основатели народничества выдвигали догадки и рабочие гипотезы, которые требовали своего документального подтверждения. Работа была продолжена новым поколением исследователей-народников (Голубев, Овсянкин, Швецов, Зобнин и др.).

Охранительная политика Кабинета привела к тому, что Алтай не стал местом ссылки наиболее активных участников «Хождения в народ» и революционных организаций 70–80-х гг. XIX в. Но среди оказавшихся на Алтае политических ссыльных были видные народники, оставившие заметный след в истории края:

Овсянкин, Швецов, Зобнин, Голубев и др. Конкретные условия, в которых они действовали (полицейский надзор, отсталость и низкий уровень общественной жизни Сибири), обусловили преобладание в их деятельности легальной практической культурно-просветительской работы. В условиях ссылки народники занимались преподаванием в школах, читали лекции, создавали библиотеки, изучали историю и реальную действительность края, быт местного населения, его насущные проблемы, организовывали социологические исследования. Но эта деятельность содержала в себе ясную демократическую перспективу и желание привлечь внимание правительства к экономическим проблемам региона, убедить его в необходимости предоставления этому краю доступа к ценностям общечеловеческой культуры, прав на экономическое благоустройство и собственно гражданское развитие.

Так, С.Л. Чудновский, П.А. Голубев, С.П. Швецов, Г.Б. Баитов занимались вопросами организации «школьного дела» в округе, написали ряд статей, в которых критиковался низкий уровень преподавания в действующих учебных заведениях. Благодаря инициативе В.К. Штильке 7 октября 1884 г. было открыто «Общество попечения о начальном образовании». С момента основания Общество энергично взялось за ликвидацию неграмотности усилиями самих граждан. Несмотря на правительственные запреты и ограничения, народники занимались учительской деятельностью [3, с. 88]. В 1885 г. была открыта Нагорная школа, первая в городе бесплатная школа для мальчиков и девочек. При школе была организована библиотека [3, с. 88]. 14 февраля 1888 г. Обществу было разрешено открыть публичную городскую библиотеку [4]. В ее фонд жертвовали свои книги П.И. Шатько, В.К. Штильке, Н.Б. Шер, С.П. Швецов, И.Е. Овсянкин и другие ссыльные.

Но самым значительным событием в научной жизни Алтая было создание 27 октября 1897 г. при непосредственном участии народников «Общества любителей исследования Алтая». Главная роль в его основании принадлежала С.П. Шцевову. Целью общества являлось содействие возможно более всестороннему изучению края, сбору материалов, их обработке и распространению. Общество вело сотрудничество с такими видными учеными и публицистами, как В.И. Семевский, Г.Н. Потанин, Н.М. Ядринцев и др. [5, с. 7].

Народники как исследователи уделяли большое внимание подбору источников. При этом они критически пересматривали уже собранные данные (Н.М. Тыжнов) и проводили своими силами социологические исследования (С.П. Швецов, И.Е. Овсянкин, С.Л. Чудновский и др.). В 1878 г. Н.М. Ядринцев впервые совершил ознакомительную поездку по Горному Алтаю, целями которой являлись изучение

обыденной жизни местного населения и исследование (предварительное) колонизационного потока, двигавшегося в Сибирь из Европейской России. Вслед за этим в 1884–1885 гг. С.Л. Чудновский осуществил подворное исследование крестьянских переселенческих хозяйств в Бийском округе. Им были охвачены Смоленская и Змеиногорская волости, три сельских общества Сроstenской волости, три сельских общества Алтайской волости и три казачьих поселка – в общей сложности более 40 сельских обществ [6, с. 25]. В 1887 г. С.П. Швецов лично провел социологический опрос 428 семей переселенцев. В 1893 г. И.Е. Овсянкин совместно с А.Т. Дорошенко обследовал 5 селений Барнаульского округа общей численностью 1018 дворов. Годом позднее уже довольно большая экспедиция (состоящая из 6 участников), ведущую роль в которой играл все тот же И.Е. Овсянкин, изучала социально-экономическое состояние хозяйств переселенцев в 55 поселках Барнаульского округа и 9 селах Кузнецкого округа с общим числом дворов 6957, а затем в 52 селениях Бийского округа [7, с. 3–4]. Цель ее состояла в том, чтобы выяснить результативность тридцатилетнего опыта пореформенной колонизации края [8].

Большое значение для любого социологического исследования народников имела программа. В 1894 г. для обследования переселенческого дела в Алтайском округе была разработана специальная программа с методикой детального изучения мест дислокации переселенцев. По ее итоговым результатам заранее планировалось получить общую социально-демографическую характеристику каждого селения. Совокупность собранных сведений помогла бы зафиксировать всестороннюю и полную картину реального положения переселенцев на тот момент в Алтайском округе. Результаты обследования, обработанные С.П. Швецовым, были опубликованы в 1899 г. в Алтайском сборнике [9]. В 1894 г. в рамках рассматриваемого Общества изучалось экономическое, санитарное состояние начальных школ Алтайского горного округа. Также была составлена и разослана подробная программа обследования. Через два месяца были получены материалы о постановке образования в 95 начальных школах, а именно: в 42 церковно-приходских школах грамотности, 29 волостных и сельских, 8 горнозаводских, 5 казачьих, 5 миссионерских, 5 городских и 1 частной школе с общим количеством учащихся 3843 чел. [10, с. 10].

Следует отметить однодневную перепись населения Барнаула, проведенную 26 марта 1895 г. при непосредственном участии Овсянкина и Швецова. Для практической реализации данного проекта была разработана специальная статистико-санитарная и экономическая программа, по которой должны были производиться замеры. Сюда вошли (кроме учета населения по полу и возрасту, вероисповеданию и пр.)

регистрация и описание жилищ (домов и квартир), торгово-промышленных и промысловых заведений, занятия населения, его связь с землей, выражающаяся в размерах хлебопашества и скотоводства, грамотность населения, его подвижность и т.д.

Летом 1895 г. по программе императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии И.Е. Овсянкин исследовал быт переселенцев и инородцев в Горном Алтае. Работа началась с ознакомления с архивами и просмотра решений суда зайсанов за десятилетний период – с 1886 по 1895 г. В промежутке между занятиями в архивах исследователь вел беседы с зайсанами и простыми калмыками.

Следует отметить, что осуществляемые народниками экспериментальные исследования имели определенную ограниченность и незавершенность. Производя подворную перепись в 1884–1885 гг. в 5 волостях Алтая, С.Л. Чудновский, например, экстраполировал ее результаты фактически на весь переселенческий поток, причем в рамках не только Алтайского округа, но и Сибири в целом [6, с. 27]. Экспедиция И.Е. Овсянкина в 1894 г. совсем не охватила северную часть Алтайского округа и прежде всего местность, которая прилегала к строящейся Сибирской железной дороге. Данный недостаток сглаживается, если принять во внимание экспедицию 1894 г. под руководством С.П. Швецова. Правда, и этой экспедицией не были охвачены 5 волостей Томского округа, входящего своей южной частью в пределы административной юрисдикции Алтайского горного округа. Необследованными остались также Бухтарминский край и так называемые инородческие волости Горного Алтая. Вполне возможно, что данные территории были проигнорированы самими исследователями вследствие их удаленности и малого количества направлявшихся сюда русских переселенцев. Изучая постановку начального образования в регионе, в силу материальных и людских проблем Общество разослало программу исследования по учебным заведениям. В число городских школ вошли только школы Бийска и Кольвани. Из Кузнецка, например, не откликнулась ни одна школа.

Социологические исследования, предпринятые народниками на территории Алтайского горного округа, представляли собой систему логически последовательных методологических, методических и организационно-технических процедур, связанных между собой единой целью: получить достоверные данные об изучаемых явлениях, процессе, тенденциях и противоречиях их развития, чтобы впоследствии использовать эти сведения в практике управления общественной жизнью региона.

Исследователи-народники рассматривали определенный, заданный круг социальных проблем Кольвано-Воскресенского (Алтайского) горного округа:

историю формирования и положение основных групп зависимого населения, переселенческое движение в регион, общинные отношения и т.д. При изучении процесса образования основных групп горнозаводского производства акцент делался на его правовом оформлении во времени. До 1861 г. законодательное регулирование социальных проблем региона значительно отставало от практики и закрепляло уже сложившиеся трудовые отношения на горнозаводских предприятиях Кольвано-Воскресенского (Алтайского) горного округа. Главное внимание при оформлении основных производственных групп населения горнозаводская администрация уделяла производственной необходимости. Одна группа являлась непосредственно производительной единицей, другая же – источником пополнения группы производителей. Среди горнозаводских крепостных выделялась категория лиц низшей заводской и рудничной администрации. Причем более строгую регламентацию и наибольшее стеснение свободы, вплоть до ее лишения, получила та группа, которая занималась собственно заводским делом, испытывая всю его тяжесть. По мнению исследователей народнического направления, на горнозаводском производстве всегда сохранялись тяжелый труд, плохие условия жизни, недостатки в медицинской службе. Военно-крепостнический режим обусловил высокую смертность, раннюю утрату трудоспособности и низкую рождаемость зависимого населения округа. Естественный прирост не восполнял потери рабочей силы и не создавал возможностей для роста численности кадров.

Реформа 1861 г., как предполагалось ее организаторами, должна была вывести Россию на один уровень в социально-экономическом развитии со странами Европы. Однако в своих работах исследователи-народники большое место уделяли ее критике. Основное внимание в их статьях сосредоточено на анализе изменений в положении бывших мастеровых и приписных крестьян Алтайского горного округа по сравнению с предыдущим историческим периодом. Следует отметить, что кардинальных изменений отмечено не было, наоборот, сравнительный анализ с рабочими промышленных стран Европы показал, что производственные отношения на предприятиях не только на землях Его Императорского Величества, но и центральных районов России значительно уступают таковым на Западе. Продолжительность дня не сократилась, рабочие были связаны круговой порукой, наблюдался низкий уровень санитарных норм и т.д. Причину этого исследователи видели в низком уровне правовой культуры самих промышленников.

Проблема заселения и хозяйственного освоения русскими крестьянами территории Кольвано-Воскресенского (Алтайского) горного округа очень интересовала исследователей-народников. Тем более,

что динамика социально-экономического развития региона во второй половине XIX в. **напрямую зависела** от того, какими темпами пойдет процесс его дальнейшей колонизации. По мнению народников, Алтайский горный округ, выгодно отличаясь от других районов Сибири наиболее благоприятными почвенно-климатическими условиями для сельского хозяйства, похожими на условия на родине переселенцев, привлекал к себе около половины переселенческого потока, идущего в поисках лучшей жизни в Сибирь. Рассматривая проблему цивилизационно-культурного влияния переселенцев на социально-экономическую жизнь региона, народники возлагали определенные надежды на правительственные мероприятия в отношении переселенческого движения.

В подборе компонентов источниковой базы и выборе конкретных методов обработки материала о крестьянской поземельной и податной общине на Алтае народники следовали определенной идейной традиции. Алтайская община в 1880–1890-е гг., по их мнению, находилась на переходном этапе от вольного, захватного землепользования к общероссийскому типу традиционной общины с регулярными переделами всех полевых угодий. Роль общины как земельного союза крестьянских хозяйств возрастала параллельно с процессом эволюции общинного землепользования от заимочно-захватного к уравнильно-передельному и от сложных земельных союзов, состоящих из нескольких деревень, к складыванию по преимуществу однодеревенской поземельной общины. По мнению исследователей-народников, заимочно-захватное землепользование доминировало в хозяйственном освоении горного округа, но в момент изучения ими ситуации, т.е. к концу XIX в., **исчерпало свои возможности**, породив неупорядоченность земельных границ отдельных общин. Среди особенностей местного землепользования народническая историография выделила сочетание в рамках одной общины многообразных форм пользования различными земельными угодьями. Наиболее важной чертой внутренней организации алтайской общины являлась раскладка податей и повинностей, так как именно путем их распределения «мир» достигал известной уравнильности между своими членами.

Содержание исследований народников по социальной истории Кольвано-Воскресенского (Алтайского) горного округа нельзя рассматривать в отрыве от особенностей их идеологии и методологии, позволяющих научно осветить лишь отдельные стороны общественного развития и под определенным углом видения проблем. Конечно, следуя собственным идейным постулатам, народники не совсем адекватно, с негативистским переклестом оценивали социальные проблемы рассматриваемого округа.

Между тем народническая историография внесла большой и не утративший своего значения вклад

в исследование народного быта, были выявлены специфические черты мастеровых и приписных крестьян алтайских заводов, по инициативе народников с целью углубленного изучения истории Алтая были предприняты статистические исследования.

Работы народников широко использовались и используются современными учеными, профессиональными историками. Многочисленные локальные

исследования представителей данного направления подготовили обновленную, гораздо более совершенную базу для обобщений на национальном уровне. В целом они ввели в научный оборот большое количество новых данных, извлеченных из местных архивов и собранных собственноручно, способствовали созданию базы для обоснованного решения социальных проблем, о существовании которых власть пыталась умолчать.

Библиографический список

1. Репина, Л.П. «Новая историографическая наука» и социальная история / Л.П. Репина. – М., 1998.
2. Миронов, Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): генезис личности, демократизация семьи, гражданского общества и правового государства : в 2 т. / Б.Н. Миронов. – СПб., 2003.
3. Никулина, И.Н. К вопросу о культурно-просветительской деятельности народников на Алтае / И.Н. Никулина // Алтай в прошлом и настоящем. 50 лет Алтайскому краю : тез. докл. к науч.-практ. конф. – Барнаул, 1987.
4. Центр хранения архивного фонда Алтайского края (ЦХАФ АК). – Ф. 72. – Оп. 2 доп. – Д. 8.
5. Отчет Совета Общества любителей исследования Алтая за 1891–93 гг. – Томск, 1894.
6. Чудновский, С.Л. Переселенческое дело на Алтае : стат.-эконом. сб. / С.Л. Чудновский. – Иркутск, 1889.
7. Отчет Совета Общества любителей исследования Алтая за 1894 г. – Барнаул, 1895.
8. ЦХАФ АК. – Ф. 4. – Оп. 1. – Д. 51.
9. Материалы по исследованию мест водворения в Алтайском округе. Результаты статистического исследования в 1894 г. // Алтайский сборник. – Т. 4. – Вып. I–II. – Томск, 1899.
10. Отчет Совета Общества любителей исследования Алтая за 1894 г. – Томск, 1895.